

Анна Иванова

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПРИЯТИИ ДВУХ ПОЭТОВ-СИМВОЛИСТОВ – АЛЕКСАНДРА БЛОКА И АНДРЕЯ БЕЛОГО

Произошедшая в октябре 1917 года революция не только изменила ход российской истории, но и самым кардинальным образом нарушила естественные процессы, происходившие в литературной жизни России. Вся страна (и писатели в том числе) была разделена на два лагеря – за большевиков и против; люди, еще вчера считавшиеся друзьями и единомышленниками, оказались по разные стороны баррикад. Каждый из тех, кто принял и поддержал Октябрьский переворот, руководствовался своими собственными убеждениями и политическими взглядами, но одна идея объединяла их всех – идея построения нового мира. Именно эта идея побудила таких аполитичных, на первый взгляд, поэтов, как Александр Блок и Андрей Белый, встать в 1917 году на сторону большевиков и сотрудничать с новой властью.

В данной статье мы рассмотрим, какие социально-политические взгляды были характерны для Блока и Белого, как восприняли они происходившие в стране революционные процессы, по какой причине и до какой степени оба поэта были в эти процессы вовлечены. Также мы коснемся двух значимых для творчества обоих поэтов произведений: поэм *Двенадцать* и *Христос воскрес*. Эти поэмы, появившиеся в переломный для истории России момент, как нельзя лучше отражают неповторимость индивидуального взгляда поэтов на революцию, являются узловыми в их творчестве и помогают шире и глубже понять весь их путь в литературе.

На рубеже двух столетий многие представители русской интеллигенции жили с ощущением нарастающего общественного и нравственного кризиса. Для культуры Серебряного века были характерны упаднические настроения, декадентство, апокалиптические ожидания. „Krise v literatuře byla pocitována

v širších souvislostech nastupujícího modernismu jako průvodní projev krachu osvícenského konceptu pokroku a humanismu, otřeseného už v době romantismu, a jako zpochybnění hodnot, doposud pokládaných za nezvratné.¹ Однако что касается Блока и Белого, они увидели в этом кризисе зачатки грядущих перемен, новое преобразование мира, а потому восприняли революционные события 1917 года с определенными мечтами и надеждами.

Симпатии Блока и Белого к большевикам были связаны с еще одним немаловажным фактором: обоих поэтов отличал неподдельный патриотизм и сочувствие низшим слоям общества, что особенно проявилось после первой русской революции. Драматические события 1905 года способствовали не только перерождению поэта-символиста в «человека „общественного“, художника, мужественно глядящего в лицо миру»,² как охарактеризовал себя Блок в одном из писем Белому, но и пробудили в поэтах интерес к прошлому отчизны, к ее исторической судьбе.

Вершиной патриотической лирики Блока можно считать цикл *На поле Куликовом*. Обращаясь к одному из ключевых событий в истории России – Куликовской битве, поэт пытается донести до читателя мысль о том, что в какой бы трудной ситуации не находилась страна, ей все равно суждено возродиться.

Куликовская битва для Блока – это не просто страница русской истории, для поэта она имеет символическое значение. Участь России в его понимании – это «вечный бой»,³ и поэт предчувствовал, что в будущем еще не раз придется русскому народу пройти испытание «высоких и мятежных дней». ⁴ Кроме того, Блок „vyslovil své niterné obavy, že další bytí světového prostoru a v něm probíhající osudové změny mohou nabývat tragický rozměr“.⁵

Позиция самого автора достаточно ясна читателю: он вместе с народом, он, как и его лирический герой, готов пожертвовать жизнью за Родину:

*Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!*

(А. А. Блок, *Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...*)

¹ Zdražilová, M., *Ruská literatura přelomu 19. a 20. století*, Praha 1995, 57.

² Белый, А. – Блок, А. А., *Переписка 1903–1919*, Москва 2011, 408.

³ Блок, А. А., *Полное собрание стихотворений в двух томах*, т. 1, Ленинград 1946, 502.

⁴ Там же, 505.

⁵ Vorel, J., *Od dekadence k teurgii. Esteticko-filozofická hledání české a ruské literatury přelomu 19. a 20. století*, Ostrava 2012, 308.

Блок не раз обращался к теме Куликовской битвы. Так, в статье *Народ и интеллигенция* (1908) поэт проводит параллель между противостоянием русских и татарских войск с одной стороны и враждебностью между народом и интеллигенцией с другой – «двумя станами», которые «не видят и не хотят знать друг друга».⁶ Поэт не только сочувствует простым людям, но и ощущает свою собственную вину перед ними; по его мнению, неприступная черта отделяет интеллигенцию от России, и необходимо как можно скорее преодолеть эту черту, хотя, как горько (и прозорливо) замечает Блок: «Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель.»⁷

После 1905 года и Андрей Белый «заговорил стихами, исполненными общественного негодования и социального накала».⁸ Его поэтический сборник *Пепел*, появившийся в 1908 году, тематически и стилистически приближается к гражданской лирике Н. А. Некрасова, памяти которого он и был посвящен. Стихотворения *Пепла* отличаются сюжетностью, реалистическим подходом к изображению действительности, ярко выраженной авторской позицией. Как точно отмечает М. Задражилова, это „expresivní výjev ze zrušované, opilecké, pěmé, macešské Rusi“.⁹ Белый продолжает здесь тему забытого, «маленького» человека, такую характерную для классической русской литературы XIX века. Вот как описывает он безрадостную жизнь бедного телеграфиста:

*Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной, –
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.
Слезой взор туманит.
В костях озябших – лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.*

(А. Белый, *Телеграфист*)

⁶ Блок, А. А., *Искусство и революция*, Москва 1979, 111.

⁷ Там же, 115.

⁸ Долгополов, Л. К., *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого*, in: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Сост. С. С. Лесневский – А. А. Михайлов, Москва 1988, 62.

⁹ Zadražilová, M., *Ruská literatura přelomu 19. a 20. století*, Praha 1995, 107.

Страшной, беспросветной предстает у Белого русская жизнь. Сама Россия для поэта – это родина злая, роковая страна или попросту пространство, где «от голода, холода [...] и мерли, и мрут миллионы».¹⁰ Если Блок, вопреки всем внешним обстоятельствам, призывает: «Полюби эту вечность болот»,¹¹ то Белый выносит суровый приговор своему отечеству: «Над страной моей родною встала Смерть.»¹² Когда же совершается революция 1917 года, оба поэта воспринимают ее как шанс для спасения России и символ крушения старого мира. Кроме того, в победе большевиков они видят историческую правду, возмездие за все то зло, которое столетиями творилось на Руси. «Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок [...] Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть [...] Замалчивать этого нет возможности [...] Мы – звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов?»¹³ – обращался к своим современникам Блок в январе 1918 года в статье *Интеллигенция и революция*.

Белый воспринял русскую революцию еще и как новый этап духовного развития всего человечества. Для него, приверженца антропософии, это мистическое учение и «идеология пролетарского Интернационала причудливо слились [...] в одну общую мировую, вселенски-космическую идею всемирного братства, которое и должно будет увенчать ход мировой истории».¹⁴ В своих утопических мечтах поэт видел в пролетариате силы для «выхода из классовой градации общества»,¹⁵ а в революции – «проявление творческих сил».¹⁶

Особенности мировоззрения Блока и Белого русский философ Н. А. Бердяев связывал с таким истинно русским явлением, как народничество. В статье *Мутные лики* (1922) философ писал: «А. Блок и А. Белый, связанные с скифством и левым эсерством, представляют последнюю трансформацию русского народничества. [...] Народничество есть порождение интеллигентского сознания и интеллигентских настроений. Для этого сознания и этих настроений

¹⁰ Белый, А., *Стихотворения и поэмы*, Москва – Ленинград 1966, 191.

¹¹ Блок, А. А., *Полное собрание стихотворений в двух томах*, т. 1, Ленинград 1946, 179.

¹² Белый, А., *Стихотворения и поэмы*, Москва – Ленинград 1966, 179.

¹³ Блок, А. А., *Искусство и революция*, Москва 1979, 223–224.

¹⁴ Долгополов, Л. К., *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого*, in: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Сост. С. С. Лесневский – А. А. Михайлов, Москва 1988, 86.

¹⁵ Белый, А., *Символизм как миропонимание*, Москва 1994, 307.

¹⁶ Там же, 300.

народ есть тайна, в этой тайне скрыта правда, скрыт Бог, перед тайной этой нужно склониться.»¹⁷

Скифство, о котором упоминает в своей статье Бердяев, – довольно любопытное, но неоднозначное идеологическое течение, напрямую связанное со славянофильством, с идеями мессианского предназначения России, с представлениями о Европе как о «стареющей», постепенно гибнущей цивилизации. Философ В. С. Соловьев, на труды которого во многом опирались символисты, ввел в обиход термин «панмонголизм», под которым он подразумевал опасность гибели всей европейской цивилизации от нового нашествия с Востока. Вот как пишет он о «монгольской» угрозе в своем стихотворении *Панмонголизм*:

*Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.*

*О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.*¹⁸

(В. Соловьев, *Панмонголизм*)

Строки из этого стихотворения Блок взял эпиграфом к своим *Скифам*, появившимся одновременно со статьей *Интеллигенция и революция* и поэмой *Двенадцать* в начале 1918 года. Для Блока и Белого «скифская» идеология была созвучна их давним представлениям об особой роли России в мире, „jako země nacházející se na pomezí západní a východní civilizace, a tedy přirozeně prostředkující kontakt mezi nimi a v budoucnu harmonizující dva extrémní póly – vypjatý individualismus a racionalismus typický pro západní svět s živelností a kontemplativností světa východního“.¹⁹ В романе *Петербург*, написанном за несколько лет до революции 1917 года, Белый так описывал неизбежное столкновение двух

¹⁷ Бердяев, Н. А., Мутные лики, in: *Белый: Pro et contra*. Сост. А. В. Лавров, Санкт-Петербург 2004, 541.

¹⁸ Соловьев, В. С., *Собрание стихотворений*. [online: <http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0060.shtml>, cit. 2017-03-26].

¹⁹ Vorel, J., *Od dekadence k teurgii. Esteticko-filozofická hledání české a ruské literatury přelomu 19. a 20. století*, Ostrava 2012, 295.

цивилизаций: «...брань великая будет, – брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов [...] обагрят поля европейские океанами крови [...] Будет – новая Калка! [...] Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. Если, Солнце, ты не взойдешь, то, о, Солнце, под монгольской тяжелой пятой опустятся европейские берега [...].»²⁰

В 1917 году, в условиях затянувшейся войны и нестабильной внутренней ситуации, проблема «желтых полчищ» отступила на задний план. Возникла угроза распада огромной Российской империи. «„Отделение“ Финляндии и Украины сегодня вдруг испугало меня. Я начинаю бояться за „Великую Россию“ [...] Если распылится Россия? Распылится ли и весь „старый мир“ и замкнется исторический процесс, [...] или Россия будет „служанкой“ сильных государственных организмов?»²¹ – писал Блок в дневнике летом 1917 года.

Стихотворение *Скифы* родилось в еще более сложной обстановке зимы 1918 года, однако тон в нем задает не ощущение надвигающейся катастрофы, а патриотический пафос (или как метко заметил И. А. Бунин: «...наше исконное: „Шапками закидаем!“»):²²

*Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!*

(А. А. Блок, *Скифы*)

По мнению Блока, Россия – страна уникальная, окутанная тайной, словно Сфинкс, поэт призывает «старый мир» остановиться пока не поздно перед «Сфинксом с древнею загадкой», опомниться, прекратить кровопролитие и прийти на «братский пир труда и мира».

Проблему «Россия – Европа» приверженцы скифской идеи рассматривали не только в географическом смысле. Запад для них являл собой воплощение бездуховности, мещанства, культурного упадка. Один из идеологов скифского движения Р. В. Иванов-Разумник в своем анализе стихотворения *Скифы* объяснял смысл блоковского текста именно с этой точки зрения: «Два врага стоят лицом к лицу: русский, „скиф“, и европеец, „мещанин“, новая Россия и старая

²⁰ Белый, А., *Петербург*, Москва 1981, 99.

²¹ Блок, А. А., *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7: Автобиография, 1915. Дневники, 1901–1921*, Москва – Ленинград 1963, 279–280.

²² Бунин, И. А., *Воспоминания*, Париж 1950, 222.

Европа. И если есть у России миссия, то вот она: взорвать изнутри старый мир Европы своим „скифством“, своим духовным и социальным „максимализмом“ [...] Ибо только этот духовный максимализм, это „скифство“ – открывают путь к [...] подлинному освобождению человека [...].»²³

Вместе с тем, мещанство – это не только европейское явление; оно, по мнению Блока и Белого, разлагает и российское общество. В дневниковых записях Блока встречаются довольно бескомпромиссные суждения о современниках: «...вы, люди, – свиньи [...] Вы слепы, вы несчастны, копайтесь в политике [...] и не поднимайте рыла к сияющим вершинам [...].»²⁴

Подобные мысли тревожили и Белого: «Мы разучились летать: мы тяжело мыслим, тяжело ходим, нет у нас подвигов, и хиреет наш жизненный ритм: легкости, божественной простоты и здоровья нам нужно; тогда найдем мы смелость пропеть свою жизнь [...].»²⁵

Люди, относящиеся к жизни с таким юношеским максимализмом, не могли оставаться в стороне от происходящих в России событий. Именно в этом максимализме кроется одна из причин, по которой оба поэта не только приняли новую власть, но и стали сотрудничать с ней. Из записок Блока видно, что поэт связывал надежды на демократические изменения в стране с Лениным и его партией еще до 25 октября 1917 года. Рассуждая по поводу готовящегося вооруженного восстания, 19 октября он записал в дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране.»²⁶

Не все современники Блока и Белого с пониманием отнеслись к их убеждениям. Весьма наглядным представляется нам телефонный разговор Блока с Зинаидой Гиппиус, содержание которого приведено в мемуарах поэтессы:

«– Вы с большевиками, и забыли Россию. Ведь Россия страдает!

– Ну, она не очень-то и страдает...

У меня дух перехватило [...]

²³ Иванов-Разумник, Р. В., Испытание в грозе и буре, in: Александр Блок: *Pro et contra*. Сост. Н. Ю. Грыкалова и др., Санкт-Петербург 2004, 281–282.

²⁴ Блок, А. А., *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7: Автобиография, 1915. Дневники, 1901–1921*, Москва – Ленинград 1963, 112.

²⁵ Белый, А., *Критика. Эстетика. Теория символизма: в двух томах*, т. 2, Москва 1994, 60.

²⁶ Блок, А. А., *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7: Автобиография, 1915. Дневники, 1901–1921*, Москва – Ленинград 1963, 312.

– Александр Александрович. Я понимаю, что Боря может... Если он с большевиками – я пойму. Но ведь он – „потерянное дитя“. А вы! Я не могу поверить, что вы... Вы!»²⁷

Гиппиус относилась к той части русской интеллигенции, которая не поддержала большевиков и Октябрьский переворот. Блок в статьях и личных записях того периода довольно резко высказывается по этому поводу: «Происходит совершенно необыкновенная вещь [...]: „интеллигенты“, люди, проповедовавшие революцию, [...] оказались ее предателями. Трусы, натравливатели, прихлебатели буржуазной сволочи.»²⁸ Людей своего круга Блок обвинял в том, что они стали «надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон».²⁹ Белый придерживался того же мнения. В одном из своих эссе он писал: «Когда все вокруг рушится, это вовсе не значит, что рушится мир; представленья о мире нам надо расширить, [...] падение неба вокруг означает, что новое небо восходит.»³⁰

Впрочем, необходимо заметить, что и Блока, и Белого посещали определенные сомнения относительно происходящего. Читая личные записи поэтов и их статьи, мы можем встретить много противоречивых высказываний. Так, Блок, с одной стороны, обращается к интеллигенции с призывом: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию»,³¹ а с другой – испытывает страх и смятение после убийства депутатов Учредительного собрания от партии кадетов А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина. «Внутри дрожит»,³² – пишет он в своем дневнике после этого трагического события, а на следующий день: «Выпитость. На днях, лежа в темноте с открытыми глазами, слышал гул, гул: думал, что началось землетрясение.»³³ Блок пытается оправдать крестьян, разграбивших усадьбу его деда – знаменитого ученого А. Н. Бекетова³⁴, но вместе с тем признается: «Бурная злоба и что-то особенно скребет на душе.»³⁵

²⁷ Гиппиус, З. Н., *Живые лица: воспоминания, стихотворения*, Москва 2002, 34–35.

²⁸ Блок, А. А., *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7: Автобиография, 1915. Дневники, 1901–1921*, Москва – Ленинград 1963, 318.

²⁹ Блок, А. А., *Искусство и революция*, Москва 1979, 226.

³⁰ Белый, А., *Песнь солнценосца*, in: *Скифы, сборник 2-й*, Петроград 1918, 7.

³¹ Блок, А. А., *Искусство и революция*, Москва 1979, 227.

³² Блок, А. А., *Записные книжки 1901–1920*, Москва 1965, 383.

³³ Там же.

³⁴ См. Блок, А. А., *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7: Автобиография, 1915. Дневники, 1901–1921*, Москва – Ленинград 1963, 353.

³⁵ Блок, А. А., *Записные книжки 1901–1920*, Москва 1965, 394.

Наиболее тяжелым для обоих поэтов был период Военного коммунизма и Гражданской войны. Для Блока это были последние годы его жизни и, как известно, после написания *Двенадцати* он практически перестал заниматься творчеством. Из того немногого, что было создано им после 1918 года, дошли до нас стихи, посвященные предметам первой необходимости. Это не совсем типичные для Блока стихотворения. Несмотря на то, что их отличает легкий, нарочито игривый тон, понятно, что написаны они были человеком, лишенным всяких надежд и иллюзий:

*Не взыщи, что щи не густы –
Будут жиже впереди,
Не ропщи, когда в Прокруста
Превратят – того гляди [...]*

И далее – горькая ирония по отношению к самому себе:

*Но носящему котомки
И капуста – ананас,
Как с прекрасной незнакомки,
Он с нее не сводит глаз [...]*

(А. А. Блок, *Стихи о предметах первой необходимости*)

Блок не дожил до того времени, когда писатели начали испытывать не только трудности, касающиеся насущных проблем, но и идеологическое давление со стороны властей, что в полной мере довелось испытать Белому. Вернувшись в 1923 году после двухлетнего пребывания за границей в Советскую Россию, он почувствовал, что «вернулся в свою „могилу“». Он писал: «...„крупные“ заслуги мои оказались настолько препятствием к общению со мною, что самое появление мое в общественных местах напоминало скандал [...] Я был „живой труп“; [...] был момент, когда мелькнула странная картина меня, стоящего на Арбате [...] с протянутой рукою: „Подайте бывшему писателю.“»³⁶

В 1928 году Белый уже откровенно высказывает свои претензии к советской власти, обвиняя ее в том, что она «перерождается в обычную власть и в этом перерождении становится из власти Советов советскою властью, стало быть,

³⁶ Белый, А., *Символизм как миропонимание*, Москва 1994, 483.

властью обычно, [...] и нынче я, толстовец-непротивленец, могу лишь высказывать пожелания, чтобы „советизм“ был гибче понят в органах власти».³⁷

В 1918 году Блок укорял Зинаиду Гиппиус в том, что она не видит «октябрьского величия за октябрьскими гримасами»,³⁸ но, как мы знаем теперь, несмотря на воодушевление, с которым Блок и Белый встретили революцию, они сами не могли эти «гримасы» не замечать. Характерным в этой связи становится переосмысление поэтами своих самых важных произведений послереволюционного периода: поэм *Двенадцать* и *Христос воскрес*.

Обе поэмы появились через несколько месяцев после октябрьских событий 1917 года, став художественным отображением того трагического и переломного периода российской истории.

Поэма *Двенадцать* была написана менее чем за два месяца: первая запись в дневнике Блока с упоминанием этого названия датирована 8 января 1918 года, а уже 18 февраля поэма была напечатана в газете *Знамя труда*.³⁹ О процессе создания поэмы Блок пишет на удивление скупно. Представляет интерес запись от 29 января, возможно, связанная с окончанием основной работы над поэмой: «Сегодня – я гений»,⁴⁰ а также более развернутая запись от 17 февраля: «*Двенадцать* – отделка, интервалы [...] Люба сочинила строчку: „Шоколад Миньон жрала“, вместо ею же уничтоженной: „Юбкой улицу мела.“»⁴¹

Некоторые литературоведы связывают рождение замысла *Двенадцати* с убийством 7 января 1918 года А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, о котором мы упоминали выше. Историк литературы М. Л. Спивак, ссылаясь на воспоминания современников Блока, считает, что именно «это потрясение породило [у поэта – *прим. авт.*] творческий импульс».⁴² Далее она приводит отрывок из воспоминаний А. М. Ремизова: «Помню, после убийства Шингарева и Кокошкина говорили мы с Блоком по телефону [...] и Блок сказал мне, что над всеми событиями, над всем „ужасом“ слышит он – музыку, и писать пробует. А это он *Двенадцать* писал.»⁴³

Связь между возникновением поэмы и убийством депутатов усматривает и Л. К. Долгополов: «Не исключено, что именно зафиксированное Блоком

³⁷ Там же, 474–475.

³⁸ Блок, А. А., *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7: Автобиография, 1915. Дневники, 1901–1921*, Москва – Ленинград 1963, 336.

³⁹ См. Блок, А. А., *Полное собрание сочинений в двух томах, т. 2*, Ленинград 1946, 575.

⁴⁰ Блок, А. А., *Записные книжки 1901–1920*, Москва 1965, 387.

⁴¹ Там же, 388.

⁴² Спивак, М. Л., *Андрей Белый – мистик и советский писатель*, Москва 2006, 141.

⁴³ Там же, 142.

в записной книжке и глубоко взволновавшее его событие послужило непосредственным толчком к созданию центрального [...] эпизода, связанного с убийством Катьки, – с той, однако серьезной оговоркой, что Блок готов был видеть в происшедшем некую „норму“. Революция была для него проявлением фатальных и неконтролируемых сил.»⁴⁴

Исследователь творчества Блока О. П. Смола объединяет создание *Двенадцати* со статьей *Интеллигенция и революция*. По его мнению, оба эти произведения «питались из одного источника, одним комплексом идей и переживаний. В известном смысле *Двенадцать* можно считать поэтическим эквивалентом *Интеллигенции и революции*, а *Интеллигенцию и революцию* – философско-эстетическим комментарием к *Двенадцати*».⁴⁵

Согласимся с мнением ученого, хотя бы потому, что два произведения, написанные одним автором в одно и то же время, просто не могут не иметь общих идейных точек соприкосновения. В образном ряду обоих текстов также обнаруживается явное сходство: в статье Блок критикует русское духовенство, буржуазию, коллег-писателей; в поэме те же персонажи: товарищ поп, писатель-вития, буржуй – достаиваются наиболее злой, язвительной насмешки. Кроме того, в подтверждение мысли Смолы можно привести отрывок из краткой записки к *Двенадцати*, сделанной Блоком в 1920 году: «...во время и после окончания *Двенадцати* я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира).»⁴⁶ В 1918 году в своей статье он также призывал интеллигенцию услышать этот шум – «ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух», и «не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра».⁴⁷

Одним из первых отреагировал на появление *Двенадцати* Андрей Белый. «Ты слишком неосторожно берешь иные ноты.» Пишет он Блоку в письме 16 (или 17) марта. – «Помни – Тебе не „простят“ „никогда“...»⁴⁸ В письме нет прямого упоминания о поэме, но Блок, очевидно, понял, о чем идет речь, так как в ответном письме просит Белого, чтобы тот «не пугался *Двенадцати*».⁴⁹

⁴⁴ Долгополов, Л. К., *Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков*, Москва – Ленинград 1964, 161.

⁴⁵ Смола, О. П., «Черный вечер, белый снег...»: *Творческая история и судьба поэмы А. Блока «Двенадцать»*, Москва 1993, 23.

⁴⁶ Блок, А. А., *Полное собрание сочинений в двух томах*, т. 1, Ленинград 1946, 601.

⁴⁷ Блок, А. А., *Искусство и революция*, Москва 1979, 227.

⁴⁸ Белый, А. – Блок, А. А., *Переписка 1903–1919*, Москва 2011, 513.

⁴⁹ Там же, 514.

Эта переписка (а также краткое замечание Белого в его письме к Иванову-Разумнику о том, что «стихи „12“ – уже слишком: с ними я не согласен»)⁵⁰ позволила некоторым исследователям прийти к выводу, что Белый к произведению Блока отнесся критически. Долгополов, например, убежден, что Белый не признал поэму Блока и создал свою – *Христос воскрес* – в «прямой полемике с *Двенадцатью*, но используя отдельные элементы поэтики этой поэмы».⁵¹

По мнению М. Ф. Пьяных, Белый попытался подправить, идейно подкорректировать Блока. «...Белый в своей поэзии начал как бы повторять Блока, что стало особенно заметным в годы Октябрьской революции, когда вслед за поэмой Блока *Двенадцать* появилась во многом похожая на нее поэма Белого *Христос воскрес*...»⁵² Кроме того, Пьяных предполагает, что Белый «был близок к тем литераторам, которые не приняли *Двенадцати* главным образом за то, что в них впереди красногвардейцев шел Христос».⁵³ Именно этот образ хотел «подкорректировать» Белый в своем произведении, лишить его «ничтожества тлетворной плоти»,⁵⁴ а потому в поэме *Христос воскрес* мы видим «отсутствие почти всего конкретно-исторического, природно-чувственного и интимно-личного, которое было в *Двенадцати*, а вместо человека (людей) – идея».⁵⁵

Близость поэмы *Христос воскрес* к поэме *Двенадцать* признавалась, пожалуй, всеми исследователями творчества Белого. В какой-то мере не отрицал этого и сам поэт. По крайней мере, в предисловии к своей поэме он отмечает, что она «была написана приблизительно в эпоху написания *Двенадцати* Блока; вместе с *Двенадцатью* она подверглась кривотолкам».⁵⁶

Литературоведческий анализ поэм также показывает сходство обоих произведений как по тематике и жанру, так и в выборе персонажей и некоторых композиционных особенностей текстов. Однако, несмотря на определенное сходство, Блок и Белый по-разному подошли к воплощению своих замыслов.

⁵⁰ Белый, А. – Иванов-Разумник, Р. В., *Переписка*, Санкт-Петербург 1998, 159.

⁵¹ Долгополов, Л. К., Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого, in: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Сост. С. С. Лесневский – А. А. Михайлов, Москва 1988, 82.

⁵² Пьяных М. Ф., Певец огневой стихии. Поэзия А. Белого революционной эпохи 1917–1921 годов, in: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Сост. С. С. Лесневский – А. А. Михайлов, Москва 1988, 243.

⁵³ Там же, 262.

⁵⁴ Там же, 263.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Белый, А., *Стихотворения и поэмы*, Москва – Ленинград 1966, 557.

Основная разница между поэмами *Двенадцать* и *Христос воскрес* заключается, на наш взгляд, в общей эмоциональной тональности этих текстов. Блок изображает улицы зимнего Петрограда почти с документальной точностью, действие поэмы приближено к реальности настолько, насколько это позволяет художественное произведение. Некоторые литературоведы даже пытаются установить приблизительную дату происходящих событий. О. П. Смола считает, что речь идет о первой неделе января. По его словам, на это указывает «упомянутый в первой главе плакат с лозунгом „Вся власть Учредительному Собранию!“ Такие плакаты эсеры вывесили на улицах города 3 и 4 января 1918 года. В ночь с 6 на 7 большевики разогнали Учредительное собрание».⁵⁷

Поэма Белого *Христос воскрес*, напротив, написана в отвлеченно-идеальной манере, мы бы даже сказали, в мажорных тонах. Повседневность, приметы конкретной исторической эпохи, как будто отодвинуты в поэме на второй план. Разница наблюдается и в оценке происходящего. У Блока старый мир еще не свергнут, он, «как пес паршивый», неотступно следует за предвестниками новой жизни – двенадцатью красногвардейцами, которые, впрочем, мало похожи на апостолов, несущих благую весть. Конечная цель их пути вырисовывается очень смутно. Пока они лишь шагают по темным улицам «без имени святого // Все двенадцать – вдаль. // Ко всему готовы, // Ничего не жаль».

В поэме *Христос воскрес* также описывается старый мир, однако этот мир присутствует не в конкретном месте и времени, а «таскается», как пишет Белый, «по огромной, по темной Вселенной». То, что происходит в России, он называет «мировой мистерией», Россию – «Богоносицей, побеждающей Змия», страной, которая приветствует нового Миссию, весь посыл поэмы – ликующий панегирик человека, чувствующего себя победителем: «Есть – // Воскресение... // С нами – // Спасение...»

Другими словами: „...поэма *Dvanáct* [...] navozuje dojem jakoby všedního příběhu z petrohradské revoluční ulice [...] bývá běžně považována za nejautentičtější básnický dokument magmatické atmosféry, přímočaré ryзости a dynamiky jeho „dne prvního““.⁵⁸

О поэме же Белого можно сказать, что она „prostoupena blahými předtuchami, přitakávala životu a přítomnosti a pozdravovala budoucnost bez ohledu na to, že její představy o zítřku, o smyslu probíhajících převratů měly jen velice mlhavý,

⁵⁷ Смола, О. П., «Черный вечер, белый снег...»: Творческая история и судьба поэмы А. Блока «Двенадцать», Москва 1993, 31.

⁵⁸ Honzík, J., *Dvě století ruské literatury*, Praha 2000, 247–248.

často vysloveně eschatologický ráz (například říjnový zlom interpretovaly jako potenciální předzvěst nového Kristova příchodu na svět)⁵⁹

На этом своеобразный поэтический диалог двух поэтов не заканчивается. Кроме конкретно-исторической тематики, в их поэмах подняты и общечеловеческие проблемы, а образ Христа, хоть и раскрыт по-разному, в обоих произведениях несет „vysoký etický ideál a jednotící filosofický princip, jež dávají zachycované revoluční empirii obecnější historický a snad i všelidský, mluveno tehdejší terminologií: kosmický smysl“⁶⁰

Любопытным показалось нам стремление обоих поэтов связать революцию и религию. Личность Христа, являющаяся воплощением духовного идеала, к которому должен стремиться человек, в сложный жизненный период послужила им той точкой отсчета, тем мерилом, которое помогает понять истинный смысл и историческую значимость происходящего. В этом, пожалуй, поэты были единомышленны. Однако невозможно обойти вниманием и принципиальные отличия этого образа у Блока и Белого. Для Блока фигура Христа, появляющаяся в финале поэмы, служит оправданием всем злодеяниям, которые принесла с собой революция. В поэме Белого – это центральный образ, символ глобальной революции во всех областях человеческой жизни.

Попытку соединить социализм с религиозностью предпринял и один из первых критиков обеих поэм Р. В. Иванов-Разумник. Для него христианство и социализм – «две вселенские идеи, две мировые волны, идущие одна вслед за другою, сметающие собою мир старый, выносящие нас с собою в мир новый».⁶¹ С этой точки зрения Иванов-Разумник и подходит к поэме Белого. Советская Россия в его представлении – это новый Назарет, а Белый – глашатай новой правды, «новой благой вести».⁶² Критик не скрывает, что поэма не лишена недостатков, но в целом это произведение, в котором «мы более видим живую душу новой России, чем в десятке произведений плачущих и панихидствующих, злобствующих и проклинающих».⁶³

Иванов-Разумник причисляет и Блока к тем «глашатаям», которые «чутко чувствуют [...] то новое мировое, что идет теперь в грозе и буре революции».⁶⁴

⁵⁹ Там же, 258.

⁶⁰ Honzík, J., *Dvě století ruské literatury*, Praha 2000, 248.

⁶¹ Иванов-Разумник, Р. В., Весть весны, in: *Андрей Белый: Pro et contra*. Сост. А. В. Лавров, Санкт-Петербург 2004, 669.

⁶² Там же, 670.

⁶³ Там же, 676.

⁶⁴ Иванов-Разумник, Р. В., Испытание в грозе и буре, in: *Александр Блок: Pro et contra*. Сост. Н. Ю. Грякалова и др., Санкт-Петербург 2004, 261.

Его статья *Испытание в грозе и буре*, посвященная поэме *Двенадцать*, представляет собой яркий пример скифской идеологии и утопического восприятия революции. Критик рассматривает русскую революцию как «освобождение полное: физическое, социальное, духовное»,⁶⁵ она «испепелит [...] старый мир, сорвет маску с всесветного мещанина Атланта и даст в будущем победу „скифу“». ⁶⁶

«Глашатаями» революции можно назвать многих поэтов того времени. Достаточно вспомнить В. Маяковского, В. Брюсова, В. Хлебникова, Б. Пастернака. И они верили, что „právě nyní nastal ten pravý okamžik, jediná, dlouhou dobu očekávaná chvíle“.⁶⁷ И в их произведениях содержится идея обновления мира. И они изображали революцию, как стихийный процесс.

*Что такое революция? – Буря,
Ураган, вырывающий с корнем
Столетние кедрь,
Освежающий недра
Воздухом горним, –
Оживляющий все ураган,
Крушащая многое буря!*

(В. Брюсов, *Революция*)⁶⁸

По-разному сложатся судьбы этих поэтов. Что же касается Блока и Белого, то уже в скором времени оба они попытаются переосмыслить свои поэмы, исключить из них политический смысл и связь с актуальными событиями. Причем Белый в этом отношении был категоричнее Блока. В предисловии к поэме *Христос воскрес* он написал: «Подчеркиваю: мотивы индивидуальной мистерии преобладают в этой поэме над мотивами политическими; обстановка написания поэмы заслонила от критиков основной момент поэмы: она живописует события индивидуальной духовной жизни; [...] тема поэмы – интимнейшие, индивидуальные переживания, независимые от страны, партии, астрономического времени.»⁶⁹

⁶⁵ Там же, 269.

⁶⁶ Там же, 287.

⁶⁷ Hřala, M., *Ruská moderní literatura 1890–2000*, Praha 2007, 199.

⁶⁸ Брюсов, В. Я., *Избранные стихотворения*. [online: <http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_0040.shtml>, cit. 2017-03-26].

⁶⁹ Белый, А., *Стихотворения и поэмы*, Москва – Ленинград 1966, 557.

Блок в записке к *Двенадцати* признавал некоторое влияние политики на свое произведение, но только в том смысле, что «поэма написана в ту исключительную, и всегда короткую, пору, когда пронсящийся революционный цикл производит бурю во всех морях – природы, жизни и искусства»,⁷⁰ и то, что было написано им тогда, было написано «в согласии со стихией».⁷¹ Безусловно, тематика обеих поэм охватывает как актуальные проблемы, связанные с определенным историческим периодом, так и личные переживания, вневременные, общечеловеческие вопросы. Однако такое настойчивое отрешивание от основного содержания своих произведений как нельзя нагляднее указывает на стремление поэтов переосмыслить свои прежние политические взгляды и убеждения.

Во многом судьбы Александра Блока и Андрея Белого являются типичными для той части русской интеллигенции, которая жаждала перемен, жила с ощущением своей собственной вины перед народом, симпатизировала революционным настроениям в обществе, а иногда и открыто поддерживала их. Но нужно признать, что в большинстве случаев мировоззрение писателей и поэтов Серебряного века основывалось на утопических мечтаниях и романтических представлениях о том, каким образом и какими средствами должны осуществляться преобразования страны и общества. Блок и Белый приняли революцию, увидели в ней стихию, «мировой пожар», способный очистить мир от старых проблем, но оба они, говоря словами Н. А. Бердяева, «находились во власти соблазнительной лжи, пленены обманчивыми ликами, не сумели различить духов. Оба были одержимы стихией революции и не нашли в себе сил духовно возвыситься над ней и овладеть ей».⁷²

⁷⁰ Белый, А. и др., *Памяти Александра Блока*, Томск 1996, 46.

⁷¹ Там же.

⁷² Бердяев, Н. А., Мутные лики, in: *Андрей Белый: Pro et contra*. Сост. А. В. Лавров, Санкт-Петербург 2004, 535.

ABSTRACT

The Perception of Bolshevik Revolution in the View Two Symbolist Poets: Alexander Blok and Andrei Bely

Anna Ivanova

This paper deals with the period following the Bolshevik Revolution of 1917 in relation to the lives of symbolist poets A. A. Blok and A. Bely. Both poets' sociopolitical views, as well as their reactions to the revolutionary events in Russia are discussed. Their key writings of that era, i. e. poems *The Twelve* and *Christ Has Risen*, respectively, are comparatively analyzed for a more thorough understanding of the two poets' perception of the processes in the Russian society of that period.

Key words: Russian Literature, 20th Century, Symbolism, Russian Revolution of 1917, Alexander Blok, Andrei Bely, The Twelve, Christ Has Risen.

Bc. Anna Ivanova (anna.iv@centrum.cz) graduated at the Faculty of Arts, Charles University, Prague, specializing in Russian Language and Literature. Currently, she continues her studies at the master programme in the same specialization. Her primary interests include Russian literature and culture of the interwar period.